

Основываясь на научном дискурсе последних двадцати лет парадипломатию можно определить как участие субнациональных единиц в международных отношениях через установление формальных и неформальных, постоянных и временных связей с иностранными акторами с целью достижения определённого набора задач через различные стратегии действия на международной арене (стратегии и цели субнациональных единиц рассмотрены в следующей подглаве). В зависимости от уровня иностранного актора, с которым имеет отношения субнациональная единица, парадипломатическая деятельность делится по трём направлениям: 1) межграницная (трансграницная) региональная парадипломатия, 2) трансрегиональная парадипломатия и 3) глобальная парадипломатия.

ДИСКУРС КОМПРОМИССА VS. ДИСКУРСА ОППОЗИЦИИ

Максимов Дмитрий Аркадьевич
аспирант Института философии и права УрОРАН

Что следует понимать под феноменами компромисса и оппозиции в контексте дискурса? Можно ли отнести данные понятия к дискурсным формациям или даже к типам политического дискурса? Какой план дискурса наиболее точно характеризует значения дискурса и оппозиции? Изучение этих вопросов преследует цель определить место компромисса и оппозиции в полифонической дискурсивной сети.¹

Рассмотрим некий ассоциативный ряд, касающийся так называемой «метафизики» оппозиционного мышления, объединяющей в себе такие проявления общественно-политического сознания, как диссидентство, нонконформизм, протест, и ряд других концептов из области конфликтологии.

Инициатива несогласия подразумевает наличие противоречия, которое следует разрешить. В этом кроется и диалектическая природа «мятежного порыва», берущая свое начало в сознании. Сознание диктует пределы границы, в которых может сохраняться противоречие, так или иначе подавляющее и игнорирующее индивидуальность человека - все то, что он хочет сберечь в себе самом и окружающем мире. В общем и целом, то самое противоречие, и, тем более, его разрешение не обязательно присутствуют в оппозиционном мышлении, поскольку речь идет о реакции на подавление в явной или латентной форме. Вместе с рождением сознания формируется и ценностное отношение к объекту протеста и окружающему миру

Литература:

Aguirre Inaki "Making sense of paradiplomacy? An intertextual enquiry about a concept in search of a definition". In: "Paradiplomacy in action. The foreign relations of subnational actors". L. 1999

Der Derian "On Diplomacy: a Genealogy of western Estrangement". Oxford 1987

Duchacek Ivo "Perforated Sovereignities: towards a typology of new actors in International relations". In "Federalism and international Relations. The role of subnational units" Oxford 1990

Duchacek Ivo "The territorial dimension of politics: within, among and across nations". L. 1986

Kinkaid John "Foreign relations of Constituent Units", research paper, Forum of Federations, Winnipeg, May 11-12, 2001

Lecours Ander, Luis Moreno "Paradiplomacy and stateless nations: a reference to the Basque Country". Unidad de Politicas Comparadas (CSIC), Working paper 01-06, 2001

Soldatos Panayotis "An Explanatory Framework for the study of federated States as Foreign-policy Actors". L.1993

Д.А. Максимов

в целом. Противоречие в форме «всевозможного гнета» и иных дестабилизирующих обстоятельств как бы наступает на границы терпимости человека и вызывает на начальном этапе элементарное отторжение, схожее по смыслу с реакцией «Хватит!». Практически сразу же это отторжение перерастает в осознание непримиримости с «унизительным порядком». Непримиримость, в свою очередь, вызывает ощущение идентичности со стороной, отрицающей данный порядок, - то есть, с сопротивлением. Сопротивление подразумевает уже не просто отрицание внешних угнетающих факторов, но и несогласие с самим порядком, вызывающим эти факторы. Как только установленный ранее «неподходящий» порядок осознается как объект протеста или сопротивления, он становится предметом противоречия, принесшего конфликт. Сопротивляющаяся сторона начинает защищать свои права, отождествляет их с собственной ценностью и значимостью, а также осознанно противопоставляет себя тому порядку, в котором этим правам не суждено было реализоваться. Пусть ценность еще остается неясной, но когда бунтующий человек ценит защищаемое им право выше, чем самого себя, он интуитивно верит в нечто устойчиво постоянное, достойное, чтобы его сберечь.

Роль конфликта в его современном социально-политическом выражении заключается не в борьбе между социальными группами и не в «классовой борьбе», а в той или иной степени объединенном или спонтанном разрозненном противодействии и выражении несогласия с определенными компонентами современного мирового порядка, с политическим и экономическим «цинизмом», с принятием отдельных политических решений.

Вне зависимости от области конфликта и его широты, данное противоречие подразумевает

противоположность провозглашенного реальному (фактическому). Этим объясняется то, что феномен протестного мышления характерен традиционному обществу западного типа, нежели ориентального. На Западе представления человека о свободе развивались намного быстрее, чем фактическая свобода. На Востоке же практически отсутствует традиция сомнения в авторитете и абсолютной непогрешимости власти. Система восточных отношений предполагает наличие данных раз и навсегда ответов на все возможные вопросы. Например, Камю говорит, что «бунтарский дух может возникнуть только в тех социальных группах, где теоретическое равенство скрывает огромные фактические неравенства». ² Опять же в менталитете восточного человека заложено признание неоспоримости и высшего назначения господства и иерархии.

Современное западное общество находится в замкнутом круге: необходимость сохранить достигнутые позиции обязывает к консервации парадоксальных моментов. Говоря словами известного отечественного политолога и публициста Бориса Кагарлицкого, «неолиберальные реформы наткнулись на эшелонированную оборону общества, сопротивлявшегося буквально всему – от введения единой валюты до ресторанов «быстрого питания» (в Италии даже появилось движение «за медленную пищу»). Это сопротивление было таким упорным потому, что опиралось на развитые институты гражданского общества и на массы, имеющие многовековой опыт защиты своих классовых интересов. А то, что новый проект «единой Европы» – проект сугубо классовый и агрессивно-буржуазный, трудящееся большинство старого континента поняло довольно быстро. Ни наемным работникам, ни даже основной массе средних слоев новая европейская империя просто не нужна». ³

Соответственно, протест – пока существует противоречие, – потенциально возможен, поскольку он идет от индивидуального опыта и напрямую связан с выражением критической позиции индивида. Ценностная сторона протеста заключается не столько в устранении каких-либо различий или несоответствий социального характера, а в стремлении к гражданскому участию. Ральф Дарендорф, описывая современный социальный конфликт, заметил, что «он связан с действием неравенства, ограничивающего полноту гражданского участия людей социальными,

экономическими и политическими средствами. Речь, таким образом, идет о правах, реализующих положение гражданина как статус». ⁴

При каких обстоятельствах политические и идеологические факторы играют определяющую роль в формировании потенциала протеста?

Главное основание социального недовольства – относительно низкий уровень доходов, задержка выплаты зарплат, пенсий и другие экономические причины – в настоящий момент носит, как правило, ситуативный, локальный и корпоративный характер, и в результате чего не может найти адекватного выражения в протестной готовности.

«Материалы службы VP дают основание предположить, что в массовых акциях протеста участвуют не столько находящиеся в трудном материальном положении, сколько те, кому «за державу обидно», то есть те, кто в первую очередь обеспокоен не улучшением своего личного материального положения, а решением общих проблем политического и идеологического характера». ⁵

На самом деле характер самоидентификации и социальной идентичности в эскалации протестного напряжения и интенсивности протестных действий играет решительную роль. Само социально-политическое противоречие и возникающие отсюда проблемы ставят субъект недовольства в условия необходимости сформулировать эту проблему и противопоставить себя той силе, которая, по его мнению, допускает или игнорирует ее развитие. Потребность в социально-политической критике берет свое начало именно на этом этапе самоидентификации субъекта.

С другой стороны, оппозиционное мышление в «погоне» за сохранением аутентичности и индивидуальности проявляет себя в форме альтернативного перформанса. И здесь ни о каком подавлении речи не идет.

1. Русакова О.Ф. Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004

2. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990.. Стр. 132

3. Кагарлицкий Б. <http://www.vz.ru/columns/2006/4/17/30339.html>

4. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002. Стр. 55

5. там же. С. 96

